

УДК 8.82 - 32

О ПРАЗДНОСТИ В «ДОМЕ С МЕЗОНИНОМ» А.П. ЧЕХОВА

© 2012 С.В. Савинков, Е.В. Соколова

Воронежский государственный университет, Воронежский государственный педуниверситет

Поступила в редакцию 19 января 2012 г.

Аннотация: В статье на примере рассказа «Дом с мезонином» и его контекстуального поля рассматривается ценностно-смысловое наполнение таких чрезвычайно значимых для творчества А.П. Чехова понятий, как «труд» и «праздность».

Ключевые слова: идеология, труд, праздность, скука, рабство, свобода, счастье.

Abstract: In the article the value-semantic content of such extremely important for Chekhov terms as "la-bour" and "leisure" is considered in the example of the story "The House with the Mezzanine" and its contextual field.

Keywords: ideology, labour, idleness, boredom, slavery, freedom, happiness.

К числу чеховских текстов, по поводу смысла которых, кажется, невозможно прийти к итоговому консенсусу, относится, несомненно, и «Дом с мезонином». Этот рассказ Чехова наделяется явно обозначенным идеологическим креном, обусловленным прежде всего развернувшейся в 1880-1890-е годы полемикой вокруг так называемой «теории малых дел». (Как известно, эта теория призывала интеллигенцию к посвящению себя не отвлеченным рассуждениям о народном благе, а приносящим действительную пользу, пусть малым, но реально полезным делам в земских учреждениях (в больницах и школах, в управе), иными словами – к посвящению себя не слову, а конкретному делу). Эта полемика, отталкиваясь от частного, поднималась к самым общим вопросам о правде и смысле человеческого существования, а ответы на них искала, оперируя такими категориями, как «труд» и «праздность».

Идейный центр «Дома с мезонином» – спор между двумя как будто непримиримыми идейными противниками – художником и Лидией Волчаниновой, праздным бездельником и идейной труженицей. Однако, как не раз отмечалось, этот спор выходит за рамки актуальной для чеховской современности проблемы. В более широком контексте спор между художником и Лидией – это спор о том, что важнее – общее или частное, это спор, как сказал известный литературовед, «между узостью и широким отношением к вещам» [1, 95]. И в самом деле, бездельная праздность, с которой живет художник, и деловая озабоченность, с которой живет Лидия Волчанинова, противопоставлены друг другу как всеобщее и вечное противопоставлены частному и временному. Всеобщее

и частное, вечное и временное не находят между собой никаких точек соприкосновения подобно тому, как не находят их между собой художник и Лидия Волчанинова.

Ощущению того, что суть спора между Лидией Волчаниновой и художником имеет именно такую семантическую структуру, мешают в том числе и черты пародийности, которыми наделяется чеховская пара по отношению к таким парадигматичным для русской литературы второй половины XIX века идейным противникам, как Базаров и Павел Петрович Кирсанов. (Известно, что в начале 1890-х годов Чехов перечитал всего Тургенева). Особенность чеховской пародии состоит в том, что так до конца и не становится ясным, пародиями на кого из тургеневских персонажей выступают Лидия Волчанинова и художник: кто из них является пародией на Базарова, а кто на Павла Петровича Кирсанова?

На первый взгляд, роль Базарова принадлежит Лидии Волчаниновой, которая последовательно и методично проводит в жизнь принцип полезности и с ненавистью смотрит на праздного художника, для которого Аполлон Бельведерский явно ценнее приносящего конкретную пользу печного горшка. С другой стороны, однако, в Лидии Волчаниновой оказываются не менее значимыми и черты, присущие базаровскому антиподу: ее утвердительный пафос, ее тяготение к командному слову, к порядку и сопряженному с ним деспотизму – все это явно сближает чеховскую героиню и с Павлом Петровичем Кирсановым, а заодно – и с Анной Сергеевной Одинцовой и ее аполлонической размеренностью как главным принципом существования. Даже устремленность Лидии Волчаниновой не «кверху», а «книзу» – не к небу, а к земле, – не делает ее противополож-

© С.В. Савинков, Е.В. Соколова, 2012

ной Павлу Петровичу фигурой: это то же самое аристократическое по духу выражение уважения к собственной исключительности, на которое неспособны люди иного круга.

Уже по одному тому, что безымянный чеховский художник — не кто-нибудь, а художник, он как будто бы должен вести партию апологета искусства Павла Петровича Кирсанова. Однако нельзя не заметить и его близости к Базарову, и эта близость, пожалуй, выглядит значительно более существенной, чем его общие точки с Павлом Петровичем. Как и Базаров, художник выступает в роли отрицателя. Только в этом случае он отрицает, разумеется, не искусство, а то, что ему — наделенному формой всеобщего — противостоит: единичное, частное, конкретное и временное.

Когда Лидия Волчанинова, подобно Павлу Петровичу, бросает художнику уничижительное: «Вы и медицину отрицаете», художник ей отвечает прямо-таки по-базаровски: «Да. Она была бы нужна только для изучения болезней как явлений природы, а не для лечения их. Если уж лечить, то не болезни, а причины их. Устраните главную причину — физический труд — и тогда не будет болезней. Не признаю я науки, которая лечит, — продолжал я возбужденно. — Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь» [2, 186].

И это приверженность ко всеобщему, а не отрицание само по себе, сближает художника с Базаровым еще больше. Нигилист Базаров с его отношением к природе как к мастерской, а к людям как к лесу (ср. базаровские максимы: «люди что деревья в лесу», «ни один ботаник не станет заниматься отдельной березой» [3, 244]), с его тотальным отрицанием всего (все и всё — его любимые местоимения) предстает таким же врагом конкретного, единичного и временного, как и сам творящий вечное искусство Рафаэль. Базаров, на которого привыкли смотреть как на человека дела, на самом деле Рафаэлю в праздности ни в чем не уступает. Ему присуще все то, что отличает «сыновей гармонии» «счастливых праздных» от тех, у кого нет других забот, кроме заботы о ежедневном пропитании. В Базарове, в том, как он себя ведет и несет, можно заметить следы и лености, и вальяжности. Они видны даже и в его неряшливости, и в той небрежности, с которой он относится и к другим, и к своей собственной персоне. Он позволяет себе, все время что-то делая, ничего не делать. Резать лягушек, изучать строение жука, рассматривать в микроскоп одноклеточных — все эти частные занятия на

фоне базаровского всеобщего выглядят не менее пошло, чем пустая растрата необъятных печоринских сил. Правда, все это заставляет вспомнить и о том, что одержимый всеобщим Базаров терпит сокрушительное фиаско, когда столкнется с единично-конкретной и самодостаточной Анной Сергеевной Одинцовой.

В творчестве Чехова достаточно легко улавливаются отсылки к тем или иным литературным претекстовым характерам, но эта прозрачная референция далеко не всегда способствует форматированию самого чеховского персонажа. Как правило, ему удается не вписываться в известные характерологические конструкции. И такое уклонение (особенно заметное на фоне жестко определенных форм) есть важная поэтологическая черта чеховского человека: определяющие его существо опоры всегда так или иначе соскальзывают с тех характерологических основ, которые под них подставляются. Так, художник из «Дома с мезонином» соскальзывает с базаровской основы, не удерживается он и на характерологической основе тургеневского «слабого» человека. В самом деле, неустойчивость чеховского художника чем-то подобна «текучести» (так же, как и он безымянного) персонажа повести «Ася». И в сюжетном плане между ними наблюдается очевидное сходство: и чеховский художник, и тургеневский «слабый» человек, каждый по-своему, опаздывают и упускают свое счастье.

Чеховский художник, как «сын гармонии», мог выглядеть действительным представителем всеобщего только в том случае, если бы он действительно был наделен высокой праздностью. Однако его праздность в период знакомства с семейством Волчаниновых отнюдь не артистическая. Как выясняется, его праздность есть то, на что он обречен («Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего» [2, 174]): «Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художник, я странный человек, я издерган с юных дней завистью, недовольством собой, неверием в свое дело, я всегда беден, я бродяга...» [2, 182]. А обречен он на праздность потому, что — как это следует из его обращенного к Лидии Волчаниновой монолога — в силу всех этих сопутствующих его жизни обстоятельств (зависти, недовольства собой, неверия в свое дело), не может служить делу, к которому должны стремиться, как он говорит, все «настоящие» науки и искусства: «Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь» [2, 186].

С точки зрения художника, смысл человеческой жизни состоит в духовной деятельности и удовлетворять ее поэтому могут только религия, наука и искусство. Чтобы приобщиться к этой деятельности всем миром, человечество должно освободиться от тяжелого физического труда, а значит — если довести мысль художника до логического конца — в определенном смысле достигнуть праздности в ее абсолютном, метафизическом измерении. Однако препятствует этому достижению сам человек, который, будучи озабоченным ростом жизненных удобств и умножением потребностей своего тела, стремится (с помощью не «настоящих», а прикладных наук и искусств) не к обретению смысла и правды, а к достижению праздного комфорта, и потому «по-прежнему остается самым хищным и самым нечистоплотным животным, и все клонится к тому, чтобы человечество в своем большинстве выродилось и утеряло навсегда всякую жизне-способность». Такое положение вещей и обрекает томимого духовной жаждой человека на вынужденную бездеятельность: «При таких условиях жизнь художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль, так как на поверку выходит, что работает он для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится в тартарары!» [2, 187].

Надо сказать, что в «Доме с мезонином» персонажи образуют две пары: одна из этих пар «трудовая» — Белокуров и Лидия Волчанинова (правда, деловитость Белокурова выглядит

весьма сомнительно. Она зиждется на обывательской инерции, особого рода лени, и, по сути, является оборотной стороной праздности в ее тривиальном, пошлом изводе), а другая — «праздная», ее составляют художник и Мисюсь. Но только Мисюсь является олицетворением праздности в ее чистом, первозданном, «трогательно-прекрасном» виде. Той праздности, которая, как настойчиво повторял Чехов в письмах к А.С. Суворину в 1890-е годы, «есть не идеал, а лишь одно из необходимых условий личного счастья» [4, 326].

Как оказывается, все имеющие культурный статус общие понятия, вступающие в какие-либо между собой отношения, конфликтные или союзнические, в теориях, в отвлечениях от личной, «моей жизни», не имеют никакого смысла. Они обретают смысл и правду только тогда, когда оказываются вплетенными в существования конкретного и наделенного неповторимым жизненным опытом «Я».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Берковский Н.Я. Чехов: от рассказов и повестей к драматургии / Н.Я. Берковский // Литература и театр: ст. разных лет / М., 1969.
2. Чехов А.П. Дом с мезонином: (Рассказ художника) / А.П. Чехов // Полн. СОБР. Соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 197–1982. — Т. 9. [Рассказы. Повести], 1894–1897. — М.: Наука, 1977. — С. 174–191.
3. Тургенев И.С. Отцы и дети / И.С. Тургенев // Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. — Т. 8. — М.; Л., 1960–1968.
4. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С., 7 апреля 1897 г. Москва / А.П. Чехов // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974–1983.

Савинков С.В. Проф. кафедры истории журналистики факультета журналистики Воронежского университета

Savinkov S.V. Professor of the Chair of History of Journalism of Journalism Department of the State University of Voronezh.

Соколова Е.В. Преподаватель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского госпедуниверситета.

Sokolova E.V. Lecturer of the Chair of Theory, History and Methodology of Teaching Russian Language and Literature of State Pedagogical University of Voronezh